

«НЕТРАДИЦИОННЫЕ» ОБЪЕКТЫ ПРОМЫСЛА: РЕАЛЬНО ЛИ СЕГОДНЯ ОСВОЕНИЕ ИХ ЗАПАСОВ?

В связи с существенным сокращением в 2002 г. (на 42 % по сравнению с 2001 г.) промышленных квот на вылов многих традиционных объектов промысла (минтай, треска, сельдь, палтусы и др.), что обусловлено как общим снижением их численности, так и выставлением 44,4 % всего прогнозируемого улова на рыбные аукционы, Государственный комитет РФ по рыболовству, ссылаясь на рекомендации рыбохозяйственной науки, предлагает дальневосточным, в том числе и камчатским, рыбакам осваивать запасы малоиспользуемых или «нетрадиционных» видов рыб, таких как акулы, скаты, бычки, ликоды, макруросы и др. Действительно, в течение многих лет специалисты рыбохозяйственных НИИ говорят о необходимости перехода от эксплуатации запасов нескольких наиболее многочисленных видов к многовидовому промыслу всего комплекса прибрежных и глубоководных рыб, беспозвоночных и водорослей. Это позволило бы, во-первых, более рационально использовать существующие биоресурсы того или иного региона; во-вторых, несколько снизить пресс на массовые объекты промысла, а в-третьих – гораздо менее болезненно переносить периодические сокращения их численности. Но реально ли в нынешних экономических условиях рыболовецким организациям самостоятельно осваивать эти самые «нетрадицион-

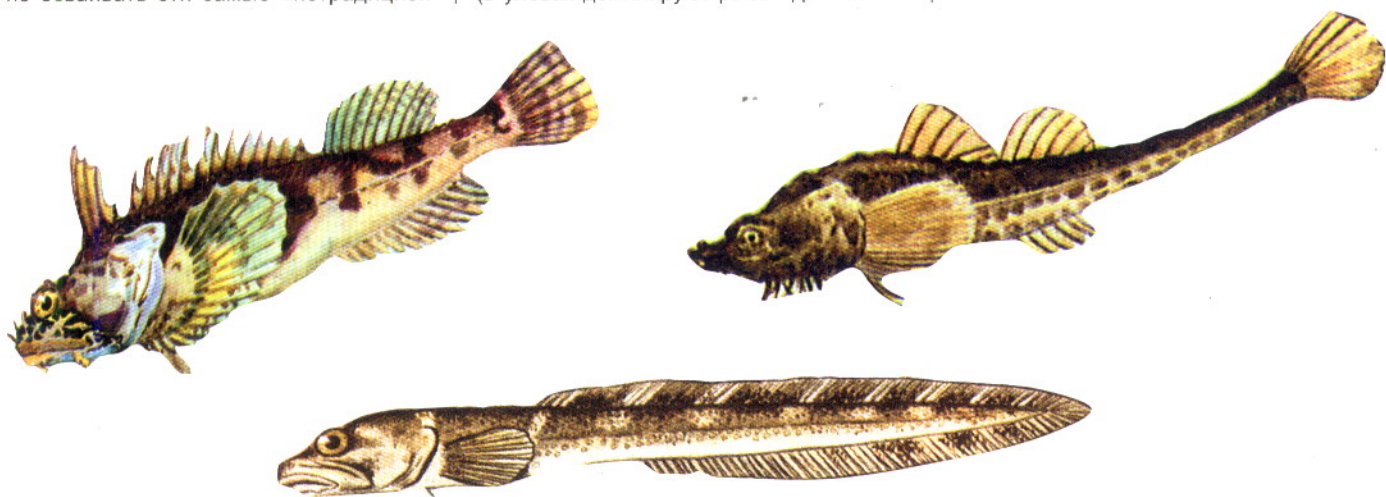
ные» ресурсы? Ведь существуют вполне определенные объективные причины того, что до настоящего времени рыбаки так неохотно ловят макруросов, бычков или ликодов, хотя современные запасы этих рыб в дальневосточных морях позволяют вести их промысел и все они относятся к категории пищевых. В отличие от сельди, минтая, трески или камбал большинству «нетрадиционных» объектов промысла свойственны определенные черты биологии (особенности распределения, размеры) или строения (внешний вид, консистенция мяса), которые в значительной степени и сдерживают их вылов. Чтобы было понятнее, о чем идет речь, попытаюсь кратко охарактеризовать наиболее массовых в прикамчатских водах представителей «нетрадиционных» объектов промысла.

По оценкам специалистов запасы макруросов в экономической зоне России в целом в настоящее время составляют около 600–700 тыс. т, а величина возможного вылова – не менее 40–50 тыс. т. В Беринговом, Охотском морях и тихоокеанских водах Камчатки и Курильских островов наиболее многочисленны два вида этих рыб – малоглазый и пепельный макруросы. Размеры первого достигают 210 см, а масса – 36 кг (но чаще всего вылавливаются особи длиной 60–110 см массой 1–5 кг); второго – соответственно 70 см и 1 кг (в уловах доминируют рыбы длиной 30–

60 см и массой 200–500 г). Оба эти вида являются придонными, глубоководными рыбами, которые образуют плотные скопления на глубинах от 400 до 1500 м (отдельные уловы достигают 10–20 т за одночасовое траление), что позволяет вести их специализированный промысел. Однако из-за своеобразного строения (большая голова и утончающийся в нить хвост) при обработке около 50–60 % рыбы уходит в отходы. К тому же мясо макруросов сильно обводнено, в связи с чем не пригодно для консервирования. В вареном и жареном виде оно также имеет слабую консистенцию. Наибольшую ценность представляет печень макруросов (она составляет 7–10 % от массы рыбы), которая так же, как у трески и минтая, характеризуется высокой жирностью и богата витаминами, а потому может служить сырьем для приготовления консервов.

Нечто подобное отмечается и у азиатского и американского стрелозубых палтусов. Эти довольно крупные рыбы (длиной до 90–95 см и массой тела до 8–9 кг) постоянно попадают в качестве прилова при глубоководном промысле, однако нередко просто выбрасываются за борт. Дело в том, что при посоле и термической обработке у них легко отделяется жир, мясо плохо уплотняется, расслаивается и к тому же разрушается его структура. Поэтому наиболее оптимальным технологическим решением переработки стрелозубых палтусов на сегодняшний день является изготовление из них пищевого рыбного фарша и рыбной пасты типа сурими.

Не меньшие проблемы существуют и с освоением ресурсов скатов. Биомасса этих хрящевых рыб в настоящее время в прикамчатских водах оценивается в 50–60 тыс. т, а величина возможного вылова – в 8–10 тыс. т. Однако около 60–70 % из них в разных районах приходится на мелкие виды, не используемые промыслом. У относительно же крупных скатов (в основном

алеутского, щитоносного и пятнистого) в обработку идут только грудные плавники, составляющие не более 30 % массы рыбы. Причем, так как скаты редко образуют плотные скопления, наиболее эффективным орудием их промысла специалисты считают донные яруса. Проблематична и реализация полученной продукции. Конечно, можно ее экспортировать в страны Юго-Восточной Азии, где скатов традиционно употребляют в пищу. Однако в нашей стране скаты вред ли будут популярны; скорее всего, они придется по вкусу лишь немногочисленным гурманам.

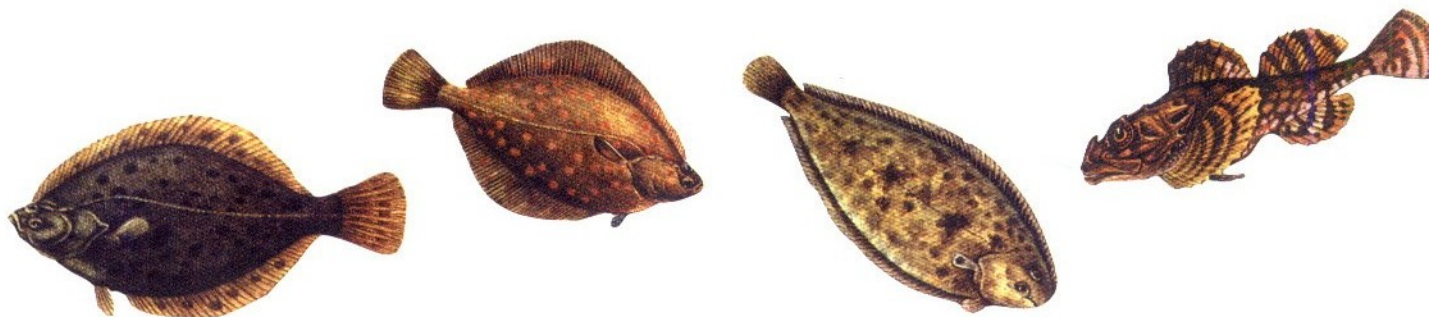
В отличие от макрурусов, стрелозубых палтусов и скатов бычки и ликоды обладают достаточно плотным мясом, а потому вполне могут быть использованы для производства мороженой продукции. Из более чем 40 видов бычков, обитающих у берегов Камчатки, потенциальное промысловое значение, по мнению специалистов, имеют лишь шесть-семь (получешуйники, керчаки и шлемоносцы). Общая их биомасса в прикамчатских овдах Охотского, Берингова морей и Тихого океана оценивается сегодня в 200–230 тыс. т, а величина

на возможного вылова – в 60–70 тыс. т. Все бычки – типично донные, относительно малоподвижные рыбы, основная область обитания которых – шельфовые воды до глубины 200–300 м. В период нагула, зимовки и нереста они нередко образуют довольно плотные скопления с уловами до 3–5 т за одночасовое траление. Длина керчаков достигает 70–80 см, а масса тела – 6–9 кг, хотя наиболее многочисленны особи размером 25–45 см и массой 0,5–1,5 кг. Получешуйники и шлемоносцы мельче керчаков: основу их уловов составляют рыбы длиной 25–35 см с массой тела 200–800 г. Как показали технологические исследования, значительное содержание в мясе бычков полноценных белков и липидов позволяет использовать их для производства как мороженой продукции, так и закусочных консервов. Однако «чистые» скопления бычков встречаются довольно редко. Лишь в отдельных случаях они составляют до 50–60 % улова. В среднем же доля бычков повсеместно в прикамчатских водах не превышает 12–15 %, поэтому их вылов возможен лишь совместно с традиционными объектами промысла. Иными словами, чтобы добыть 60–70 тыс. т бычков, нужно поймать еще не менее 200–300 тыс. т минтая, наваги и камбал.

Преобладающее большинство ликодов – также типично донные, малоподвижные рыбы, предпочитающие илистые грунты (нередко в них зарывающиеся) и низкие, порой даже отрицательные температуры. Все ликоды характеризуются довольно большим ртом и удлинненным слизистым телом серо-коричневого или черного цвета. В прикамчатских водах встречаются около 50 их видов. Однако у тихоокеанского побережья полуострова и Северных Курильских островов наиболее многочисленны бурополосый и белолинейный, а в восточной части Охотского моря – ликод Солдатова. Перечисленные ликоды – сравнительно крупные рыбы, которые достигают длины 80 см и массы 4 кг. Однако чаще всего встречаются особи длиной 45–65 см и массой до 1,5 кг. Максимальные уловы этих ликодов (до 0,5–1,0 т за одночасовое траление) в течение всего года отмечаются в интервале 200–600 м.

Согласно технологическим исследованиям ликоды относятся к так называемым «столовым» видам рыб с белым плотным мясом (масса тушки без внутренностей составляет около 60–65 % массы всей рыбы), а величина их возможного вылова у берегов Камчатки, по мнению специалистов рыбохозяйственных институтов, в настоящее время оценивается в 8–10 тыс. т, и около 5 тыс. т в 2002 г. рекомендуются к изъятию в восточной части Охотского моря (Западно-Камчатская и Камчатско-Курильская подзоны). Принимая во внимание особенности образа жизни ликодов (типично донные рыбы, нередко зарывающиеся в илистый грунт), наиболее эффективным орудием их лова сегодня следует считать донный трал. Однако при организации промысла необходимо учитывать, что ликоды, как и бычки, не образуют «чистых» скоплений, а обычно вылавливаются в качестве прилова совместно с другими промысловыми видами рыб – минтаем, треской, палтусами, окунями. Поскольку доля ликодов в траловых уловах обычно не превышает 6–10 % от общего объема выловленной рыбы, вполне понятно, что их вылов возможен лишь совместно с такими видами, как минтай, треска, палтусы и окуни (посчитайте сами, сколько нужно их поймать, чтобы добыть 5 тыс. т ликодов). Не стоит забывать и о проблеме реализации пойманных ликодов, которые, хотя и являются пищевыми рыбами, по вкусовым показателям уступают треске или камбалам.

Как ни странно, к «нетрадиционным» объектам промысла относятся и некоторые виды камбал, среди которых, пожалуй, особо стоит отметить сахалинскую. Эта камбала широко распространена в северо-западной части Тихого океана, от берегов Приморья до Анадырского залива Берингова моря. В большинстве районов своего обитания она довольно редка, но у берегов Западной Камчатки и в северной части Охотского моря занимает одно из лидирующих мест по численности среди своих собратьев. Несмотря на это, сахалинская камбала практически не используется промыслом. Все дело в том, что в уловах у Западной Камчатки преобладают особи

длиной 20–25 см (причем 3–4 см из них составляет хвостовой плавник) с массой тела всего 100–150 г. Из-за столь малых размеров рыбаки избегают ловить эту камбалу, называя ее «лепестками». Массовое созревание сахалинской камбалы происходит при размерах всего 18–20 см, но отдельные ее особи на Западнокамчатском шельфе становятся половозрелыми уже при длине 13–14 см. Обитает она в широком диапазоне глубин от 20 до 500 м, совершая, как и большинство других рыб, сезонные миграции: осенью – от берега на глубину, а весной – обратно в прибрежную зону. Летом в основном держится в интервале 40–150 м, где нагуливается и размножается. Зимой отходит от берега и концентрируется в виде локальных скоплений с уловами до 5–10 т за траление на глубинах 150–400 м. Питается похожими на мелких креветок пелагическими ракообразными – зуфаузидами, сахалинская камбала нередко целыми стаями поднимается в толщу воды, удаляясь от дна на десятки и даже сотни метров. Причем скопления этой камбалы порой настолько плотные, что хорошо фиксируются гидроакустическими приборами, а уловы достигают 20 т за одночасовое траление. Но, несмотря на сравнительно высокую численность, образование плотных скоплений и хорошие вкусовые качества, запасы сахалинской камбалы из-за ее малых размеров сегодня практически не осваиваются. Одна из главных причин этого – отсутствие методов промышленной переработки этой многочисленной, но, увы, мелкой камбалы.

Наряду с бычками, ликодами и сахалинской камбалой, к числу «нетрадиционных» объектов промысла в тихоокеанских водах Камчатки может быть отнесена и угольная рыба, являющаяся ценным промысловым видом в Ванкуверо-Орегонском районе и юго-восточной части Берингова моря. Еще в 60-е годы прошлого века, после проведения широкомасштабных рыбохозяйственных экспедиций в северной части Тихого океана, рядом специалистов-ихтиологов высказывалось мнение о возможности промыслового использования угольной рыбы в тихоокеанских водах Камчатки и Курильских островов. Но в те годы камчатские рыбаки успешно ловили угольную рыбу в юго-восточной части Берингова моря, зал. Аляска и Ванкуверо-Орегонском районе, поэтому никто даже и не задумывался о том, чтобы вести ее промысел в берегов Камчатки. Однако к началу 80-х годов в связи с введением многими государствами (в том числе США и Канадой) 200-мильных экономических зон упомянутые районы северной части Тихого океана стали недоступны для дальневос-

точных рыбаков и отечественный промысел угольной рыбы в них прекратился. Когда же в первой половине 90-х годов у берегов Камчатки были возобновлены исследования рыб глубоководного комплекса (морских окуней, палтусов и др.), оказалось, что, как и в 60-е годы, в настоящее время угольная рыба в западной части Берингова моря, тихоокеанских водах полуострова и Северных Курил вполне может быть объектом ограниченного специализированного промысла, поскольку ее отдельные уловы на глубинах 400–600 м достигают 2–3 т за 4–5-часовое траление (те из рыбаков, кому приходилось заниматься глубоководным ловом, наверняка, согласятся со мной, что это очень неплохо). Причем основу уловов составляют крупные рыбы размером 60–88 см и массой 2–8 кг, проблем с обработкой и реализацией которых, безусловно, не будет. Однако в азиатских водах (в том числе и у берегов Камчатки) угольной рыбе свойственен ярко выраженный «групповой» тип распределения с резко повышенной концентрацией рыб в небольших пятнах скопления и низкой – вне их. Поэтому наилучшие результаты при организации ее специализированного лова могут быть получены при использовании в качестве орудий лова донных ловушек, хорошо себя зарекомендовавших на промысле угольной рыбы в северо-восточной части Тихого океана. По оценке специалистов в тихоокеанских водах Камчатки (включая Берингово море) в настоящее время можно вылавливать не менее 600 т этой ценной промысловой рыбы, тогда как величина ее ежегодного изъятия не превышает 20–30 т (исключительно как прилов при промысле морских окуней и палтусов). Но сегодня отечественный лов рыб донными ловушками (тем более глубоководными, ведь концентрации угольной рыбы отмечаются в диапазоне 400–600 м) не развит. Дело это дорогостоящее и довольно рискованное: можно затратить большие средства и оказаться в пролове, т.е. без рыбы и заработка. Поэтому, несмотря на рекомендации науки и успешный опыт ловушечного лова канадских рыбаков, угольная рыба в прикамчатских водах так и остается «нетрадиционным» объектом промысла. Два года тому назад АОЗТ «Иянин Кутх» попыталось было освоить ее добычу с помощью донных ловушек. Но, получив лимиты на вылов крабов, по-видимому, отложило эту затею в «дальний ящик».

Приведенные примеры, на мой взгляд, достаточно наглядно иллюстрируют, что крайне ограниченное промышленное использование рыбохозяйственными организациями Камчатки и других районов Даль-

него Востока в настоящее время макрурусов, скатов, ликодов и других так называемых «нетрадиционных» видов рыб обусловлено вполне объективными причинами. Несомненно, что освоение любого нового промыслового объекта связано с определенным экономическим риском и целым комплексом неизбежных затрат – от исследований по оценке запасов и величины возможного вылова (не следует забывать, что основные черты биологии и закономерности распределения «нетрадиционных» промысловых объектов изучены гораздо слабее, чем традиционных), поисковых работ по выявлению скоплений, отработки техники и подбору наиболее эффективных орудий лова до решения проблем ее реализации. Подобные затраты любому рыболовческому предприятию сегодня просто не по карману. Без соответствующей рекламной кампании и приемлемых цен рыбный фарш, плавники скатов или ликоды вряд ли будут пользоваться большим спросом у населения нашей страны. Реализация значительного количества подобной продукции непосредственно в Дальневосточном регионе (где знают толк в рыбе и пока еще можно купить треску, навагу или камбал) или в странах Юго-Восточной Азии вызывает определенные сомнения. При доставке же ее в Сибирь или европейскую часть России транспортные расходы существенно отражаются на стоимости, а значит, и покупатель будет немного. Поэтому в нынешних экономических условиях, когда важно не столько поймать, но и выгодно реализовать выловленную продукцию, большинство рыболовческих организаций без государственной поддержки вряд ли станут самостоятельно заниматься специализированным промыслом макрурусов, скатов и ликодов. А следовательно, все призывы и предложения по освоению их запасов являются лишь благими пожеланиями. Сами же эти рыбы так и останутся в числе малоиспользуемых или «нетрадиционных» объектов промысла.

А.М. Токранов – Камчатский институт экологии и природопользования ДВО РАН («ТВ», 2002, № 5)

